Самайн

18+

Virael de la Fer

Virael de la Fer

Самайн

«Автор»
2026

de la Fer V.

Самайн / V. de la Fer — «Автор», 2026

Вероника вокалистка метал-группы и сегодня выступает на концерте как со своей командой, так и подменяя одну свою подругу. Ей всегда казалось что что-то в ее жизни неправильно. А сегодня ночь Хэллоуина...

© de la Fer V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Акт I. Чужой сцена. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Virael de la Fer
Самайн

Любовь часто не имеет границ.

Акт I. Чужой сцена.

Вероника заправила за ухо тёмную прядь, выбившуюся из причёски, и наклонилась к зеркалу, проверяя, не размазалась ли подводка. В тесной гримёрке пахло лаком для волос, косметикой, тёплой электроникой и сырой одеждой. На столе перед ней лежала россыпь кистей, помад, несколько браслетов и смятый сет-лист, который она и так знала наизусть. К стене были прижаты футляры инструментов и чужие сумки, а на единственном свободном стуле висел костюм, щедро забрызганный искусственной кровью. За тонкой дверью глухо рокотали барабаны, отвечала гитара, и низкий аккорд катился по старым стенам.

Организаторы выбрали для Хеллоуина подходящее здание. Когда-то здесь была церковь, и даже после превращения в концертную площадку прежнее назначение читалось легко: высокие стрельчатые окна, потемневшие каменные стены, массивные двери и следы резного орнамента вокруг сцены — всё напоминало о временах, когда в этих стенах звучали совсем другие голоса. Организаторы использовали антураж по максимуму. Развесили чёрные ткани, расставили тыквы с горящими глазами, обмотали колонны искусственной паутиной и выстроили вдоль лестниц электрические свечи. Эффект получился атмосферный, хотя Вероника подозревала, что место выглядело бы мрачновато и без декораций.

По привычке она называла праздник иначе: Самайн. Пусть к старым обрядам относилась скорее как к лирике, чем как к тому, кто всерьёз ждёт встречи с иным миром. Ей нравилась сама идея ночи, когда привычные границы истончаются, а тьма за окнами прячет нечто большее, чем пустые улицы. Материала для песен хватало с избытком — и вовсе незачем было верить, что за этим стоит что-то настоящее.

Она выпрямилась, внимательно осмотрела себя и осталась довольна. Чёрное платье, тяжёлые ботинки, несколько серебряных колец и тонкая цепочка на шее. Тёмный макияж оттенял глаза, а глубокая винная помада завершала образ. Вероника не любила превращать себя в неподвижный реквизит ради тематического вечера. На сцене она будет петь, двигаться, улыбаться залу и отдавать столько, сколько требует материал. Ни трупно-бледное лицо, ни фальшивые швы на щеках ей в этом не помогут.

Она взяла со стола бутылку воды, сделала несколько глотков и прислушалась к звукам за стеной. Сегодня у неё два выступления. Сначала — Longwin, где она согласилась заменить заболевшую подругу Аннетт; потом, после нескольких других групп, ближе к полуночи — её собственная SC. Именно второго выхода она ждала с особенным волнением. Они недавно закончили работу над новым альбомом и впервые собирались сыграть его целиком перед живой публикой. Месяцы репетиций, споров, переработанных аранжировок и бессонных вечеров наконец должны были обрести окончательную форму — не в студийных наушниках, а перед живым залом.

Она любила открывающий трек альбома больше всех остальных. «Скоро Самайн» задавал настроение всей пластинке: дождь над холмами, поросшими вереском, дорога в тумане, одинокий фонарь и голос, зовущий кого-то вернуться. В этой песне было что-то необычайно личное, даже для неё. Некоторые строки будто существовали задолго до того, как она села писать текст, и оставалось только успеть перенести их на бумагу, пока они не ускользнули из памяти. Вероника не считала это мистикой. Она давно заметила, что лучшие образы прихо-

дят во сне, когда разум перестаёт сторожить каждое слово и позволяет воображению свободно соединять впечатления, полузабытые книги и обрывки чувств.

Иногда после таких снов она просыпалась с ощущением, будто только что прожила чужую жизнь. Незнакомые улицы, чужая одежда, чужое прикосновение, острая боль разлуки с человеком, которого никогда не встречала, — всё это оставалось с ней. Она даже помнила запахи и звуки: сырую землю, ветер в высокой траве, далёкие шаги по каменной дороге. Из таких впечатлений рождались песни, и потом она могла неделями искать музыку, которая передала бы настроение сна, не поддающееся обычным словам.

Так появилась и «Скоро Самайн». Вероника не могла сказать, какой именно сон стал её началом; возможно, их было несколько, постепенно слившихся в одну историю. Она помнила холмы, туман и фонарь, видный издалека, и чувство ожидания — будто кто-то обещал вернуться, но медлил так долго, что само время изменилось. В песне были слова про Джека и Джилл, про встречу сквозь непроницаемую ночь и про то, что не всякую дорогу можно пройти дважды. Ей нравилось старое, почти сказочное звучание этих имён, их простота и лёгкая тревога, спрятанная под ними. Они подходили мелодии, и большего от них не требовалось.

Или так она думала.

Прошлой ночью ей снова приснилась дорога через вересковые холмы. Ветер хлестал по лицу, дождь стекал за воротник, а впереди, на перекрёстке, горел фонарь. Человек, державший его, стоял неподвижно, будто ждал именно её и никого другого. Лица она не разглядела, но голос услышала — до странного, почти болезненно знакомый. Он произнёс имя — «Джилл» — и Вероника проснулась ещё до рассвета.

Первой мыслью, разумеется, была песня. Джек и Джилл, фонарь, дождь, дорога — всё это уже жило в тексте, в музыкальных переходах, в разговорах с группой о настроении альбома. Неудивительно, что имена просочились в сон. Ясный голос ничего не доказывал: память умеет собирать убедительные вещи из самых невероятных обрывков.

Она могла допустить, что в мире случается нечто, чего люди пока не умеют объяснить. Она писала достаточно мистических текстов, чтобы не считать свою картину реальности единственно возможной. Но одно дело — находить тайны в книгах и песнях, и совсем другое — в собственной жизни. Связывать себя с именем из собственной песни было бы попросту абсурдно.

Она убрала бутылку, проверила голос, тихо пропев несколько нот, и мысленно пробежала сет-лист Longwin. Чужой репертуар требовал внимания даже тогда, когда каждая песня была знакома. Сегодня ей предстояло спеть каждую без осечки и при этом сохранить манеру, к которой привыкла публика Аннетт. Вероника могла привнести собственные интонации, но не собиралась превращать песни подруги в витрину для своего голоса. Это была работа, которую ей доверили, и она намеревалась сделать её как следует.

В дверь постучали, и выглянул Марк.

— Ну что, готова спасать нашу репутацию?

— Зависит от того, насколько сильно вы её уже испортили.

— Мы старались, но пока держимся. Дай нам полчаса на сцене — и кто-нибудь обязательно уронит стойку микрофона.

— Надеюсь, это будешь не ты. Мне совсем не хочется объяснять Аннетт, почему её барабанщик решил проверить лбом прочность церковного пола.

Марк рассмеялся и вошёл, осторожно переступая кабель у двери. Он был барабанщиком SC, но давно играл и с Longwin. Хорошие барабанщики на рок-сцене всегда в дефиците, а Марк, умевший мгновенно подхватывать чужой материал и не терявший темп даже в самых запутанных аранжировках, был нарасхват у нескольких групп сразу. Вероника иногда подозревала, что у него есть несколько клонов: пока настоящий Марк играет концерт на одном

конце города, его копии репетируют с остальными. По другому его расписание объяснить было трудно.

— Аннетт снова написала, — сказал он. — Говорит, что ей ужасно стыдно и что вы все имеете полное право её ненавидеть.

— Передай ей: если она ещё раз извинится за температуру, я сама приеду и заберу у неё телефон. Ей нужно лежать, пить лекарства и перестать каждую минуту следить за концертом.

— Примерно так я ей и сказал. Только добавил, что если она продолжит руководить из постели, мы все придём проверить, правильно ли она принимает их.

— Хорошо. Она хотя бы испугалась?

— Нет. Сказала, что оставит нам список инструкций на случай, если мы совсем свихнёмся.

— Значит, поправляется.

Вероника улыбнулась. Ей действительно было не жаль, что Аннетт попросила её. Они знали друг друга годами, играли на одних фестивалях, делили гримёрки и сцены и даже записали несколько песен вместе. Их дружба выходила далеко за рамки вежливого знакомства коллег-музыкантов: они могли попросить друг друга о помощи, обсудить неудачную аранжировку или посмеяться над последней концертной катастрофой. Когда Аннетт написала, что заболела и не может выйти на сцену, Вероника согласилась почти не думая. Подвести подругу в последний момент значило бы не просто отказать ей, а поставить в трудное положение всю группу.

Она хорошо знала песни Аннетт. Они выступали вместе достаточно часто, чтобы материал не требовал зубрёжки, а с Марком за барабанами можно было не бояться внезапных смен темпа. Они понимали друг друга с полувзгляда, и это облегчало адаптацию даже тогда, когда что-то шло не по плану.

— Как звук? — спросила Вероника.

— Нормально. Подкрутили верха на гитаре. Тебе должно быть комфортно. Но если что не так — просто дай знак, я переговорю с технарями.

— Справлюсь.

— Знаю. Поэтому Аннетт и позвонила тебе, а не кому-то, кто выучил две песни по видео и теперь собирается стать звездой вечера.

— Не преувеличивай мои заслуги. Иногда и я забываю слова.

— Правда, но обычно в песнях, которые написала сама.

— Именно поэтому я люблю свою группу. Могу забыть строчку и с серьёзным видом объявить, что это новая версия.

Марк рассмеялся и взглянул на часы.

— Пять минут до начала. Готова?

— Уже давно.

— Тогда пошли. И постарайся не разнести сцену вокалом.

— Иди уже! Обещать ничего не буду, но постараюсь оставить сцену в целости до полуночи. До сета, где мне не придётся петь чужие песни, а только свои.

Когда Марк ушёл, Вероника ещё раз взглянула на себя в зеркало, выключила свет и направилась за кулисы. По дороге пришлось обойти двух участников другой группы, споривших о том, куда делись их реквизиты, и организатора с планшетом, который пытался одновременно ответить на звонок и отогнать зрителей, забредших в закулисный коридор. Из зала доносился гул голосов и музыка, которую ставили в ожидании. Дождь снаружи усилился, и каждый раз, когда открывалась входная дверь, внутрь врывался холодный воздух с запахом мокрого асфальта.

У края сцены Вероника остановилась рядом с Марком. Отсюда здание выглядело особенно внушительно. Высокие арки терялись во тьме, а на стенах сохранились очертания старых декоративных ниш. Даже сценическое оборудование не могло до конца вытеснить ощущение,

что пространство создавалось для чего-то другого. В этом и заключалась странная притягательность площадки: концертный зал был современным, громким и живым, но каждый звук будто находил отзвук в камне, помнившем совсем иные времена.

Вероника снова подумала, что для Самайна организаторы выбрали место не просто подходящее, а почти символическое. Вечер, отданный маскам, призракам и старым легендам, проходил в бывшей церкви. Оставалось только надеяться, что никто в зале не воспримет декорации слишком всерьёз. Против мистики в песнях у неё ничего не было, но объяснять организаторам, почему кто-то решил, что для настоящего праздника нужен настоящий спиритический сеанс, ей не хотелось.

— Longwin, готовность! — крикнул техник.

Марк поднял палочки, и Вероника услышала, как за кулисами переговариваются остальные музыканты. Кто-то проверил гитарный шнур, басист дёрнул струну, и затем ведущий объявил группу со сцены. Из зала поднялись приветственные крики.

Первым вышел Марк, за ним — гитаристы и басист. Вероника дождалась вступления к открывающему номеру и шагнула к микрофону под свет. На мгновение зал слился в одну тёмную гладь, усыпанную отблесками украшений и светящимися тыквами, но она быстро привыкла к яркому свету. Обменялась взглядом с Марком, дождалась первого аккорда и начала петь.

Первый номер прошёл уверенно. Вероника держалась знакомой аранжировки, внимательно слушала инструменты и не пыталась подменять прочтение Аннетт своим. Она знала, где вокальная линия должна оставаться мягкой, где добавить драйва и где оставить пространство музыке, не заглушая гитару. Зал постепенно оживал: люди у сцены двигались в такт, кто-то подпевал знакомому припеву, несколько человек подняли руки. Вероника улыбнулась и протянула микрофон в зал, позволяя подхватить последнюю строку.

Именно этого она и добивалась. Не восторженных оваций просто за то, что явилась, не необходимости доказывать, что умеет петь лучше Аннетт, а обычного контакта с публикой — ради этого вообще выходят на сцену. Песня принадлежала Lanewin, и Вероника хотела, чтобы люди услышали её как свою, даже если сегодня её пел другой голос.

Следующий номер был тяжелее и требовал большего. Она заранее набрала воздуха, почувствовала, как напряглись мышцы живота, и чисто взяла первую фразу. Марк держал ритм твёрдо, гитаристы не торопили переходы, а басист поддерживал их плотным, почти вязким звуком. Вероника слушала их не менее внимательно, чем пела: хорошее выступление редко зависит от одного человека, даже если именно вокалистка первой притягивает взгляды.

В середине песни она заметила мужчину.

Он стоял в дальнем конце зала, чуть в стороне от основной толпы, у массивной каменной колонны. Высокий, в тёмном пальто, которое выглядело слишком формальным для вечеринки, где даже бармены надели рога и пластиковые клыки. Ни макияжа, ни маски, ни попытки вписаться в общую игру ужасов. Тёмные волосы казались влажными, будто он только что вошёл с улицы, а руки спокойно сложены перед собой.

Вероника не сразу поняла, почему взгляд остановился именно на нём. Люди часто предпочитали слушать на расстоянии, не протискиваясь к сцене и не присоединяясь к общему веселью. Кому-то не нравилась толпа, кто-то приходил за музыкой, а не за танцами. В этом не было ничего необычного. Но незнакомец смотрел на неё с такой сосредоточенностью, что постепенно она перестала замечать всё остальное.

Он не улыбался, не снимал её на телефон и не разговаривал с соседями. Он просто смотрел.

Дыхание Вероники слегка сбилось. Осечка почти не была заметна: она вовремя подхватила фразу и вернулась в ритм, но почувствовала, как на долю секунды потеряла нить выступления. Это её раздражало. Она была здесь по просьбе подруги, перед людьми, которые при-

шли слушать Lanewin, и не собиралась портить шоу из-за странного мужчины с необычным взглядом на певиц.

Она перевела глаза на гитариста, дождалась нужного перехода и закончила песню без дальнейших ошибок. Зал ответил аплодисментами. Марк коротко поднял палочки, музыканты обменялись взглядами, и Вероника сделала глоток воды, пока готовили следующий номер.

Когда она снова посмотрела в дальний конец зала, незнакомец всё ещё стоял у колонны.

Теперь свет позволил разглядеть его лицо. Черты были суровыми, но не жёсткими; в глазах лежала такая печаль, что она невольно задумалась, не случилось ли с ним чего-то неприятного. Он не выглядел человеком, пришедшим развлекаться на Хеллоуин. Казалось, он здесь по совсем другой причине и пытается понять, действительно ли нашёл то, что искал.

И всё же в его взгляде не было ничего угрожающего. Он смотрел на неё с удивительной нежностью, почти болезненной, будто между ними уже лежало что-то важное, что она сама забыла.

Вероника нахмурилась и снова повернулась к микрофону. Она его не знала. Никогда с ним не разговаривала и не могла вспомнить даже случайной встречи. Ни общих знакомых, ни лица, всплывающего из прошлого. Просто незнакомец, который почему-то не сводил с неё глаз.

Она начала следующую песню и попыталась сосредоточиться на работе. Но сколько бы внимания ни требовал материал, часть сознания оставалась у той колонны. Она чувствовала его взгляд даже тогда, когда смотрела на публику в противоположном конце зала. В какой-то момент ей показалось, что он слегка наклонил голову, будто соглашаясь с чем-то, чего никто вслух не говорил.

Когда Вероника снова встретила его взгляд, он улыбнулся.

Это была не широкая, приглашающая улыбка человека, пытающегося привлечь внимание женщины. Едва заметная и печальная, но такая тёплая, что сердце болезненно сжалось. На мгновение ей показалось, что она уже видела это лицо. Не на фотографии, не в толпе на другом концерте и не в чьём-то сне, а где-то очень давно, в обстоятельствах, которые никак не могли иметь отношения к её нынешней жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.